

"Гогё Фууин!"

Чакра исчезает, и глаза Наруто закрываются, тело слабеет. Без сознания.

А теперь позвольте мне закончить накладывать на Учиху печать проклятия, и я смогу убраться из этого места.

Тело сенсея Сарутоби лежит у моих ног. Неподвижное. Кровь стекала с его губ на холодный пол. Кровь просачивалась между зубами, когда он улыбался.

Широкая, полная надежды улыбка, которая, казалось, очерчивала каждую морщинку и пятнышко на его старческой коже в странном свете. Я увидел в ней облегчение, смешанное с доверием... прощением... и пониманием.

Мои руки горели, плоть стала черной и хрупкой после атаки сенсея. Но это было мало по сравнению с той агонией, что расцвела в моей груди.

И когда я увидел, как бог смерти бесследно исчез в небытии, с душой сенсея и моими руками на буксире, мой взгляд вернулся к его неподвижной форме, оцепеневшей и безразличной к окружающему хаосу, даже когда те, кого я назвал "звуковой четверкой", в панике позвали меня.

Хотел бы я научиться одной из этих неуловимых способностей, способностей Пространственного времени. Способ заморозить все. Или даже вернуться. Сделать все по-другому.

Даже осознание того, что сенсей просил меня об этом... оставляло горький привкус во рту.

Но, увы. У меня нет таких техник... как нет и времени, чтобы целыми днями предаваться сожалениям. Барьер рассеялся, и я объявил отбой, бросив последний взгляд на неподвижную и спокойную фигуру сэнсэя, прежде чем скрыться.

'Прощай, Сарутоби-сенсей'.

Цунаде смотрела на меня, шоколадно-карие глаза были такими свирепыми, какими я их никогда не видел. Сколько лет прошло, не так ли?

Теперь ты меня ненавидишь? Не так ли, Химэ? Ты ненавидишь то, во что я превратилась. Как и все в Конохе. Возможно, в какой-то степени ты даже винишь меня в том, что с тобой случилось, не так ли?

Возможно, это небезосновательно... Возможно, если бы я оставался... оставался в неведении относительно мира вокруг нас, вокруг Конохи... все было бы иначе. Возможно, меня бы

назначили на миссию вместе с Дэном, или Джирайей, или другим ниндзя, который был свободен в тот день, потому что я нес часть нагрузки на миссии.

Столько возможностей.

Например, та, которую я положил перед вами минуту назад. Интересно, примешь ли ты его?

Заманчиво, не правда ли? Мои руки для твоих давно потерянных любовей? Тех двух людей, из-за которых ты годами плакал во сне, утопая в sake и пороках, чтобы избавиться от воспоминаний о них.

Сердце сжимается в груди при мысли о том, как больно будет убивать тебя, если ты решишься на это.

Ты нужен живым... но, что еще важнее, ты нужен сильным. Если наши враги смогут держать это над твоей головой, как я сейчас... тогда ты бесполезна для нас... И я не смогу использовать тебя. Прости, Химе.

Я в безмолвном ужасе наблюдаю за тем, как в твоих глазах на мгновение появляется задумчивость. Секунда, в течение которой ты показываешь, насколько сильно это предложение влияет на твои суждения. Я, якобы, один из величайших врагов Конохи, а ты все еще готова рассмотреть это предложение... чтобы вернуть мне руки, убившие сенсея.

Я не могу этого сделать... пока не могу... Ты всегда была куноичи сгоряча. Я постоянно попрекал тебя за это, когда мы были моложе. Мне нужно уйти, пока ты не позволил этому "мгновению" запечатать твою судьбу. Считай это милостью, Химе...

Я говорю тебе подумать об этом. Я одариваю тебя коварной улыбкой и исчезаю в облаке дыма. Кабуто рядом со мной. Я молюсь и надеюсь всем своим сердцем, что ты не примешь это предложение. Ты не станешь еще одной отметкой на моем кровавом счету убийств.

Не будь очередной дурой Цунаде...

Или я убью тебя... Как бы больно это ни было... ты не оставишь мне выбора...

Я убью тебя...

Расенган был техникой, которую я давно прославил как одно из величайших ниндзюцу ближнего боя, когда-либо созданных.

В отличие от знаменитого "Райкири" Какаши или его разновидности "Чидори" ранга В, эта техника не только наносила больше урона, была тише, но и не требовала от владельца

бросаться на противника с такой скоростью, что туннельное зрение делало практически невозможным правильное владение ею для не владеющего додзюцу.

Даже неполная, эта техника могла легко убить человека даже скользящим ударом, не говоря уже о полном ударе.

Я так уважал технику, созданную Минато, что даже не думал учиться ей. Это даже не приходило мне в голову. Это была техника Минато, а по совместительству и Джирайи, их фирменный знак.

Не сомневаюсь, что я смогу сделать это за несколько дней тренировок. Я ведь саннин и известный во всем мире специалист по ниндзюцу, в том числе и по запрещенным техникам, которые намного, намного сложнее обычных, разумеется.

Но я так и не научился этому, как бы полезно это ни было. И, кроме Джирайи, я полагал, что эта способность умрет вместе с самим Минато.

Поэтому... я был немало удивлен, когда Кабуто оказался на стороне получателя этой техники. И виновником этого был всего лишь двенадцатилетний мальчик.

Ваш сын действительно Минато...

Я посмотрел на Цунаде, потом на Наруто, а затем на клинок Кусанаги, который держал на языке.

Это была авантюра, но это был лучший способ проверить, действительно ли Цунаде достойна прежнего места сенсея; присутствие Джирайи здесь могло означать только одно. Что они хотят, чтобы она стала следующим Хокаге.

Если они и вправду собирались отдать его ей... тогда она должна была пройти мой собственный тест, прежде чем я позволю ей занять место сенсея. Ей не позволят халтурить.

Резко ударив Джирайю в подбородок, я бросился на потерявшего сознание Кровавого, планируя в последний момент перевести клинок, чтобы избежать смертельного удара.

Однако в тот же миг я обнаружил перед собой Цунаде, и вместо Наруто мой клинок глубоко вонзился в ее верхнюю часть спины. Я медленно улыбнулся. Она повернулась и с чудовищной силой ударила меня затылком.

Похоже, мне все-таки не придется ее убивать.

Обычная точка зрения.

Дождь бил по нему струями воды, полностью его промолив. Серебристые волосы падали на шею и лицо, капли влаги срывались с его мокрых волос и стекали по маске.

Он мчался сквозь деревья на огромной скорости, и ветер, дувший вокруг него, пробирал его до костей. Но он не обращал на него внимания, полностью сосредоточившись на достижении цели. Остатки чакры, витавшие в воздухе, вызывали у него чувство тревоги.

Живы ли они? Ранены? Умирают ли они прямо сейчас? Неужели они оба уже мертвы?

Он рванулся вперед еще сильнее и быстрее, деревья расплылись в небытие, и он сосредоточился лишь на том, на какую ветку ему нужно прыгнуть в следующий момент.

Когда он прорвался сквозь строй деревьев, его глаза сканировали дно долины, лишь мимоходом замечая разрушения вокруг.

Одинокий Шаринган прошелся по дну долины, прежде чем навестись на одного из учеников. На таком расстоянии он был всего лишь оранжево-голубой кляксой на дне долины. Мощные ноги подбросили его в воздух, и он одним рывком достиг блондина.

Он протянул руку вперед, проверяя показатели, и с облегчением вздохнул, почувствовав под кончиками пальцев ровный пульс бьющегося сердца. Позади него рысил Пакун, его плоское лицо и широко расставленные глаза были как всегда хмурыми.

"Странно, что они устроили свою стычку именно здесь. Не находишь?"

"Да." ответил копирующий ниндзя, не теряя времени, прежде чем просканировать блондина на предмет повреждений. Не найдя таковых, он позволил себе снова вздохнуть, а теперь принялся осматривать местность, размышляя, не найдется ли под обломками разбитое тело Сасукэ. Другой вопрос... для другого времени... сейчас же ему нужно было позаботиться о том, чтобы сохранить жизнь тому, кто, несомненно, еще жив.

Он бесшумно двинулся за своим учеником, когда прямо за его спиной раздался голос... знакомый и опасно спокойный.

"Отойдите от мальчика, Хатаке-семпай".